

Казимир Малевич

В. ХЛЕБНИКОВ¹

Велемир, Виктор Хлебников, Зангези² — так себя именовал тот, через смерть которого возрастает интерес общежития.

Заинтересовалось оно его личностью и стремится поправить ошибку своего отношения к нему, вновь восстановив портрет, и видеть то, чего не хотело видеть, когда жил среди них.

Бесшумный, молчаливый, как тень, мыслитель чисел, динамическим молчанием расколол ядро судьбы и рока, чтобы достать доску исчисленных событий человеку, тем самым освободить пытался волю из власти рока и судьбы, власть передав над колесом ее, ему по праву. Утаенное судьбою завтра возвратил. Измеряя прошлое, получил числа расстояний в пространстве событий, вычисляя ими орбиту движений человека.

Ничего в этом нет такого, что должно было вызвать хохот или считать его гадалкой, как было сделано современной печатью и хулиганствующей критикой³.

Астроном с точностью вычислил на многие годы затмение планет, а это не что иное, как то, что делал Хлебников.

Имея в виду человека, он просто на основании прошлого его движения, обстоятельств определил судьбы повторений.

В «Досках судьбы»⁴ пытался начертить астрономический календарь прошлого, сегодняшнего и завтрашнего.

Чтоб каждый в календаре доски нашел орбиту свою, включив себя в число колец мирового движения, чтоб в вихре, вне судьбы, вне рока состоять.

День и ночь тоже события, которых мы даже не замечаем, но знаем и готовимся встретить ночь светом лампы.

Так, точное вычисление иных событий, возможно, поможет нам предпринять меры.

Хлебников пытался вырвать чертежи, названные им «Досками судеб» из туманных далей, чтоб мог прочесть их человек.

Велемир Хлебников, Зангези — астроном человеческих событий, но не альфа созвездий футуризма и заумного.

Альфа футуризма был, есть и будет — Маринетти. Альфа заумного был, есть и будет Крученых, произведший от слова «будет» — «будетляне»⁵ по примеру «крест — крестьяне».

¹ Данная статья К.С. Малевича была написана сразу после смерти В. Хлебникова, в 1922—23 гг.

² Малевич, как и другие современники поэта, отождествлял Хлебникова с главным героем его последней «сверхповести» «Зангези», вышедшей летом 1922 г.

³ В некоторых некрологических статьях о Хлебникове иронично и полуиздевательски шла речь о последних его работах, посвященных проблеме числа и «закону времени». См., например: Г-д [Горнфельд А.] В. Хлебников // Литературные записки. 1922, № 3. С. 13.

⁴ «Доски Судьбы» (опубликовано в виде отрывков в 1922—23 гг.) — итоговое научно-художественное произведение В. Хлебникова, посвященное обоснованию «законов времени». В относительно полном виде все «листы» «Досок Судьбы» опубликованы по рукописям поэта с приложением комментария в издании: Хлебников В. Доски Судьбы. Бабков В. Контексты Досок Судьбы. М. 2000.

Дело, начатое Велемиром Хлебниковым, так же значительно, как значительна наука астрономия. Может быть, даже дело Хлебникова ближе касается нашего непосредственного календаря человеческого творчества, нежели отдаленные туманности вселенских дел. Дело его должно найти продолжателей, как астрономия нашла себе. Дело его основное в чертежах человеческих событий, нежели поэта вообще, футуриста, или заумника, в частности.

Дело Зангези не заумное, как только новый порядок ума⁶, в частности, занятого словотворчеством. Его словотворчество скорее относится к новому практическому слову, нежели поэтическому⁷.

Слово может быть разным — практическое и поэтическое. Пока что поэзия, несмотря на усиленную тренировку с предметными практическими словами, которыми поэт оперирует легче, чем шофер автомобилем, все же задыхается от этой багажной упаковки практического слова в стихе. Порок сердца обязательный. Это предвидели только русские поэты и установили диету, выбросив из меню поэта набор слов практического реализма, и установили диету не временную, а постоянную, чтобы раз навсегда излечить поэзию.

Одним из главных врачей поэзии считаю своего современника Крученых, поставившего поэзию в заумь⁸. Его и считаю альфой заумного.

Хлебников хотя и творил слова новые, но видоизменял побег слова от старого практического корня. Видел в них будущее практическое слово. С его точки зрения будетляне должны быть не заумными, а умными, как будущий новый мир практического реализма.

Два современника — Крученых и Хлебников — поставили себе задачу, аналогичную живописи, — вывести поэзию слова из практического действия в самоцельное, как они говорили, «самовитое» слово, в тот мир поэта, где бы он смог создать слово чисто поэтическое, построив стихотворение не из утилитарных слов практического реализма, а создать стихотворение и слово поэтического ритма.

Само слово «стихотворение» производит другое впечатление, нежели слово другого мастера сложения «утилитарнотворение». Как будто ничего общего не имеющих между собою (два мира). Разница между ними должна быть, и она есть. Утилитарные мастера практического реализма делают вещи из матерьялов, возводят их родовой план в новый план своей человеческой, практической жизни и дают им свое утилитарное слово, как имя.

⁵ На самом деле неологизм «будетляне» был предложен и введен в обиход не Крученых, а Хлебниковым.

⁶ Применительно к Хлебникову Ю.Н. Тынянов («О Хлебникове») говорил о «новом зрении», которое оказывалось в его словотворчестве «новым строем слов и вещей», или «новой семантической системой».

⁷ В связи с хлебниковским словотворчеством см. *Григорьев В.П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986; *Перцова Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien—Moskau, 1995.

⁸ Термин «заумь», или «заумный язык», ввел А. Крученых в 1913 г. в декларации «Слово как таковое». Проводя аналогию между приемами деформации реалей в живописи кубистов и творчестве будетлян-речетворцев, Крученых писал: «Разрубленными словами и их причудливыми хитрыми сочетаниями (заумный язык) достигается наибольшая выразительность и этим именно отличается язык стремительной современности». Литература о зауми: *Шкловский В.* Заумный язык и поэзия // Сборники по теории поэтического языка. Пг., 1916. Вып. 1; Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре. Вегн, 1991; *Сахно И.М.* Русский авангард: Живописная теория и поэтическая практика. М., 1999.

Каждое имя имеет свое утилитарное место действия в практическом плане. Имеет свое стойло, гараж, депо. Действия их происходят в порядке практической надобности. В них нет поэтического порядка ритма.

Поэт не удовлетворен практическим порядком движений и пытается построить практические слова так, чтобы действия их были связаны ритмическим строем.

Строй этот назвал поэтическим порядком. Он рассчитал их бег во времени, распределив время предметам так, что они приходят друг к другу, пересекают, останавливаются в указанных узлах ритмического времени, не теряя своего утилитарного действия.

Таковая поэзия целиком умна, как академический, живописный реализм, как весь практический предметный мир.

Если этот вывод считать сущностью поэзии, а жизнь практическую ее содержанием, то заумь не есть поэзия.

Заумной поэзии не может быть.

Тогда Крученных и Хлебников не поэты там, где строй заумный существует.

Поэзия там, где идет поэтическое охудожествление практического мира.

Если же поэт свободен и волен создать свое поэтическое слово, свой чистый поэтический ритм, помимо неуклюжих слов практического языка, если волен построить свое поэтическое время, волен быть в вихре своего возбуждения, тогда Крученных заумный поэт.

Его будетляне ушли поза пределы умных, практических государств, как живописцы ушли из умного академического реализма предмета.

Мои современники являются созвездием заумного, внекультурного строя живого духа.

Мои современники видят новую эпоху человека в идущем к уму заумного созвездия.

Свободные кометы иногда попадают в плен миру, который включает их в свою систему.

Так случилось, что некоторые современники мои попались в плен земле.

Велемир Хлебников был одной из комет, вовлеченной землею в свою систему событий ума, чисел, языка.

И мне показалось, что Хлебников не был пленен и выведен из своего свободного строя, лежащего в заумности, а наоборот, бежал к земле, как ее неотъемлемая по роду частица ума.

Пытался или принес «Доски судеб», чертежи будущих на ней событий, и тогда случай, рок и судьба будут ясны, как для астронома затмение луны.

Его поэзия тоже принадлежит уму.

Каждая построенная им буква есть нота песни обновленного практического мира.

Тот же ум, перемещающийся в новые формы.

В книге «Зангези», в плоскости первой, подражание языку птиц.

В плоскости второй боги и богини заговорили непонятными словами между собою.

Общежитие стало в тупик, что Юнона заговорила: «пирара пируруру, буаро, вичило». Эрот: «эмч, амч, умч»⁹.

Если бы подслушал этот разговор Сократ, то сказал бы народу: «Боги сошли с ума, перешли в заумь».

Общежитие посчитало, что Хлебников перешел в заумь и стал альфой заумного созвездия, альфой футуризма.

⁹ Неточная цитата из «Зангези» (плоскость II «Боги»).